

«РЫНОК ЛЮБИТ ЗВЕЗД»

Русское балету в тяжком для России XX веке в какой-то мере повезло — в отличие, скажем, от литературы. Если литература, по плану коммунистических идеологов, предназначалась большей частью «для внутреннего потребления», была втиснута в жесткий идеологический корсет, то балету отводилась роль одной из немногих ярких красок на глянцево-обложке системы. В глазах мировой общественности он должен был служить примером высочайшего расцвета искусства при социализме и — косвенно — доказательством, что и сама система «впереди планеты всей». Шахматы, космос, балет были «выходным платьем» строя — в чем винить их, конечно, нелепо. Благодаря этому поддерживались школы и театры, развивались традиции, и рядом с именами Павловой и Нижинского появились имена других великих русских балетных артистов XX века... И только недавно заговорили о том, что и нарядное платье изрядно обветшало, а уж будущее балета в условиях рынка и вовсе просматривается с трудом. Насколько верны эти утверждения? Об этом беседа с бывшим солистом Большого театра, а ныне руководителем театра «Русский балет» Вячеславом Гордеевым.

— Балет жив, но трудностей более чем достаточно. Гастролируем мы много, но заработанные театром 100 тысяч долларов «заморожены» во Внешэкономбанке. Правда, за театром сохранили небольшую государственную дотацию порядка 340 тыс... рублей в год. Сами судите, что это за деньги, если только постановка «Копеллеи», над которой мы сейчас работаем, потребует около 1,5 миллиона. Зарплата артиста — 100 рублей в месяц, и это при невероятных физических нагрузках, при том, что большинство из них иногородние и вынуждены снимать в Москве квартиры. Люди держатся на энтузиазме, любви к искусству. Хотя и этого не всегда достаточно. Один из наших солистов — он из разряда беженцев, кстати, — долгое время ютился с матерью в комнате в 7 квадратных метров, потом вынужден был ехать в Израиль, танцует теперь в Варшаве. И все же, вы знаете, я не разделяю панических настроения, которые охватили сейчас многих деятелей культуры. Нормальный, цивилизованный рынок отнюдь не душит настоящее искусство. Верно то, что он проводит жесткую селекцию, отменяя все непрофессиональное, не позволяя никому по-

лучать ренту с прошлых заслуг и званий. Магил имен на западного зрителя не действует. Знаменитый Нурiev там не раз уходил со сцены, слыша вместо оваций нечто совсем другое, у великой Плисецкой случались просто провалы гастролы. И это нормально. Рынок суров, но справедлив. Все настоящее в условиях нормальной экономики живет, и живет неплохо. Другое дело, что сама организация театрального дела должна быть абсолютно иной. Я хорошо знаком, например, с лучшей в США труппой — Американским балетным театром. Содержать себя театр не в состоянии и государственных дотаций не получает. Но у него есть пражение из 13 директоров, это крупные бизнесмены, которые вкладывают солидные средства в балет. Здесь все замешано — и стремление иметь хорошую рекламу, и чувство национального престижа, и благотворительность.

— Но они же, наверное, и «заказывают музыку»...

— «Заказывать музыку», то есть напрямую руководить творческим процессом, стремятся только у нас, где культура давно превратилась в одно из государственных ведомств с соответствующими органами управления. У рынка, разумеется, то-

же есть свои требования, но иные — он любит «звезд», неординарность.

— Но вы-то как собираетесь выжить?

— Вы знаете, я за своих ребят — а в нашем театре в основном молодые артисты — спокоен. Мой высочайший профессиональный уровень они подтверждали неоднократно — и за рубежом, и в России. Гастроли театра проходят при аншлагах, и недостатка в приглашениях у нас нет. А на недавнем Всероссийском конкурсе артистов балета в Перми, в котором участвовали танцоры из Монголии, США, Японии, солисты «Русского балета» получили все главные призы.

— Вас, кстати, тоже можно поздравить — с призом Мориса Бежара за лучший хореографлю...

— Спасибо. Другое дело, что нам нужно искать новые организационные формы существования. Надеемся реализовать их в новом театре в Кузьминках, куда переезжает «Русский балет».

— Вокруг этого переезда в Москве много разговоров. Первоначально театр в Кузьминках предназначался для областного драматического. Теперь, когда вас назначили художественным руководителем, поговаривают, что вы чуть ли не разгоните драматических артистов, а оставшихся заставите танцевать.

— Это абсолютная ерунда из разряда, как я про себя называю, «коридорных» страстей. Спор идет не об искусстве или судьбе театров, а о том, кому занимать руководящее кресло.

— Можно вопрос из разряда «ретро»? Я прекрасно помню блистательную пару: Надежда Павлова — Вячеслав Гордеев. Казалось, ей уготована замечательная долгая жизнь в искусстве. Что случилось, почему вы ушли из Большого?

— В Большой театр я попал сразу после Московского хореографического училища. После первого Всесоюзного конкур-

са молодых артистов балета, где мы с Павловой завоевали золотую медаль, ее из Перми пригласили в Большой. Не без влияния, надо сказать, покойного Гришина, которому, видимо, нравилась талантливая балерина. Во всяком случае, если намечался какой-то правительственный концерт, мы уже заранее знали, что получим приглашение. В Большом мы много ездили по миру, были, наверное, за рубежом даже популярнее, чем в Союзе. Это, кстати, не редкость среди артистов балета. И... в общем, не всем, видимо, это нравилось, в Большом мы всегда были как-то особняком. У нас было много взводов в спектакли, но своих — как, скажем, «Спартак» у Васильева, с которого он, собственно, и заблестел по-настоящему, не было. Нас так незаметно... придерживали, исходя из симпатий и антипатий руководства театра. А у меня еще, видимо, слишком независимый характер. И потому, когда мы с Павловой разошлись, в Большом создали для меня атмосферу, находиться в которой стало уже невозможно. Хотя я в определенный период танцевал там больше всех, зарабатывая, правда, наравне с остальными. Тогда ведь, знаете, был такой порядок: оклад и все, никаких гонораров — хоть раз в квартал танцуй, хоть 8 спектаклей в месяц. У окошка кассы все равны. Но мне было интересно, я заслужил звание народного, благодаря чему, кстати, вывести меня, скажем, на пенсию по возрасту было нельзя.

— Как же вы ушли?

— А никак. Нормального предложения, несмотря на то что я 20 лет отдал театру, не было — знаете, как это положено, с поощрительным вечером, цветами. Станцевал «Дон Кихота», а через день-два мне намекнули, что в следующем сезоне для меня ролей не предвидится. И все...

В Большом я бываю довольно редко, хотя определенная ностальгия по сцене, конечно,

есть. Покупаю билет на спектакль как рядовой зритель. Хотя мне, как народному артисту, положено место в ложе, но появляться там и постоянно видеть немую сцену «не ждали» в исполнении администрации — неприятно. А официально мой контракт с театром до сих пор не расторгнут... В то же время на судьбу не жалуюсь. В «Русском балете» я станцевал практически весь классический репертуар и поставил множество спектаклей. В Большом это было бы просто нереально. И это счастье, что сейчас настоящий артист может проявить себя на разных сценах. В прошлом изгнанный из Большого за просто мол не всегда остаться без дела, а то и превратиться в бомжа — я знаю такие примеры. Сейчас всем очень трудно, я, знаете, до сих пор не могу привыкнуть к этим ценам, фантастическим купюрам в 500, 1.000 рублей. Но надо пережить, возвращаясь к старому не пожелаю ни себе, ни вам. Когда я смотрю на молодых артистов нашего театра, на то, как они вкладываются на сцене, как любят искусство, то понимаю, что настоящий русский балет выживет, у него есть будущее.

Беседу вел
К. ВЛАДИМИРОВ.